

Рин Блэк

Анастасия Гор

Фауст Грин

Яна Лехчина

Антон Мамон

Джезебел Морган

Мэй

Мария Понизовская

Ксения Хан

МОНЕТА ДЛЯ СКАЗОЧНИКА

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М77

Иллюстрация на переплёте *Рин Блэк*

Иллюстрации *Лидии Магоновой*

Дизайн переплёта *Кати Петровой*

Монета для сказочника : сборник рассказов. —
М77 Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-244957-4

Даже малая сказка научит любого:
Что делать, как думать, куда бежать.
Играй, борись — снова и снова —
И верь: удача придёт опять.

Тебя проведу я сквозь снег и дым
В тот мир, что был соткан творцом другим.
Если ты, мой друг, послушать не прочь,
Я легендой рассею стылую ночь
В ней чудовища рыщут, в ней чары плетут,
И дивные дали бродяг зовут.

Ты достаточно смел? Так вот тебе дверь.
Шагни за порог и мне поверь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-244957-4

© Блэк Р., текст, 2026
© Гор А., текст, 2026
© Грин Ф., текст, 2026
© Лехчина Я., текст, 2026
© Мамон А., текст, 2026
© Морган Дж., текст, 2026
© Мэй, текст, 2026
© Понизовская М., текст, 2026
© Хан К., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

*Размыв границу настоящего и сказки,
Он проведёт тебя по их историям.
Читай с осторожностью
И не дай кошмарам себя обмануть
Счастливого Самайна (:*

О. Зарубина

РИН БЛЭК

БАБОЧКА

Рассказ по роману «Норфлэр»

Чарли Кавендиш унаследовала от отца не только прямой, курносый нос и уверенную походку, но и суховатую практичность, которую в их доме называли «отсутствием воображения». Отец с закрытыми глазами мог заменить пружину в старых часах, вычислить расход дров на зиму или собрать развалившуюся телегу. Его разум не рисовал воздушных замков — он действовал. И Чарли пошла по его стопам: её сознание измеряло, взвешивало и раскладывало мир по полочкам.

Братья, напротив, впитали мамину склонность к мечте. В их комнате всегда пахло акварелью, сосновой смолой и старой бумагой. Столы были завалены эскизами, из-под двери доносились обрывки мелодий. Тео наигрывал на расстроенной скрипке, Генри сочинял странные, цепляющие мотивы. Их фантазия бурлила: наброски неведомых существ, недописанные пьесы с трагичными финалами, чертежи механизмов, которые никогда не поднимались в воздух, но всё равно казались живыми. В семье

их называли «душой дома» — их мечты согревали стены.

У Чарли не было таких чертежей. Она не умела теряться в грёзах, но видела мир иначе — как точную геометрию движений, весов и расстояний. Где другие видели эмоцию, она видела вектор. Где другие слышали музыку, она считывала ритм. И только когда в руку Чарли ложился эфес меча, её «сухость» превращалась в силу. В тренировочном зале, где воздух был густ от запаха кожи, масла и меловой пыли, время замирало. Она не придумывала — она рассчитывала: угол отклонения клинка, длину шага противника, инерцию замаха, место, где броня сменится пустотой. Сталь становилась продолжением её предплечья, нерва, мысли. Каждый парированный удар, каждый точный укол был языком, на котором Чарли могла говорить без слов.

Фехтование стало её спасением. Единственным увлечением, где не просили «раскрыться», «пофантазировать» или «стать мягче». Где её точность была оружием. Где она была Чарли — той, кто видит траекторию до удара, чувствует, как металл оживает в руке, пульсируя в такт её дыханию. В мире, где правят мечты и магия, возможно, именно холодная ясность окажется тем самым клинком, который разрежет узел.

Олирия, маленький город в котором они жили, сиял. Камни мостовых хранили тепло даже после наступления темноты, а солнце, словно боясь повредить древнюю кладку, мягко освещало узкие улочки. Раз в году город менялся, уступая место тревожно-

му, полному надежд ожиданию. Наступал Праздник Фантазии — событие, которое делило жизнь города на «до» и «после». В этот день отбирали лучших, тех, чей дар воображения не вписывался в рамки обыденности. Под звуки фанфар они отправлялись в Лунорию, где могли раскрыться по-настоящему. Все остальные оставались. И делали вид, что это их не ранит.

Чарли спешила домой, едва отдышавшись после прощания с друзьями. Ей было двенадцать, и в этом возрасте казалось, что если ты не в центре внимания, то тебя просто нет. Она торопилась не из-за страха опоздать, а потому что хотела быть полезной. Если ей не суждено уехать, она станет той, кто наполнит теплом дома уезжающих. Во дворе её уже ждал отец. Он выглядел уставшим, но его глаза светились радостью при виде дочери. Не трата времени на разговоры, он протянул ей моток ярких гирлянд.

— Бельчонок, выручай. Братья снова заперлись, репетируют, а у меня руки заняты.

Чарли, которую отец иногда называл милым прозвищем, соответствующим её характеру, кивнула. Она всегда старалась помочь. Включив фантазию, которую сама считала недостаточно яркой, девочка принялась украшать дом. Она старалась изо всех сил, чтобы каждый огонёк лёг идеально. Закончив, вытерла потные ладони и подняла взгляд к окну второго этажа. Там, в полумраке, метался её старший брат Генри. Он ходил из угла в угол, размахивая листами бумаги, и даже сквозь стекло было слышно, как он репетирует. Чарли почувствовала, как внутри

всё сжалось. Нить, связывавшая её с этим домом, стала тоньше.

Отец заметил перемену в её лице. Он оставил украшения и обнял её за плечи.

— Не переживай, милая. Не всем дано зажигать звёзды, и это нормально. Наша задача — сохранять огонь для тех, кто может гореть ярче. Как твои братья. Как... — Он запнулся, и в его голосе проскользнула боль. — Как твоя мама. К сожалению, она ушла в лучший мир, так и не сумев покинуть этот город, считала себя недостойной, уйдя в лучший мир. Наша цель — помочь твоим братьям найти возможность уехать и не повторить её судьбу.

Чарли кивнула, уткнувшись в отцовскую куртку. Её мысли устремились за пределы двора, за каменные арки, где, как говорили в городе, воздух густел от магии и можно было стать особенной. Вдруг щелчок дверной ручки разорвал тишину. Дверь распахнулась, впуслав сквозняк и Теодора. Младший брат ворвался в прихожую, едва не споткнувшись о порог. Он поднял руки, демонстрируя свой холст. Краска ещё не высохла, пахло льняным маслом и терпентином. В его глазах светилось детское ожидание, будто весь мир должен был остановиться и одобрить его работу.

— Ну, пап, как тебе?

Чарли отступила на шаг. Она не хотела обидеть брата, просто привыкла быть внимательной. Её взгляд скользнул по холсту, и вместо восхищения в голове всплыли обрывки из обучающих книг по рисованию, которые Чарли читала по вечерам, когда

дом засыпал. Линия горизонта была смещена влево. Пропорции лица нарушены, особенно нос, который будто вырос из щеки, а не из центра. Она открыла рот, чтобы сказать что-то тёплое, но вместо этого произнесла:

— Перспектива не сходится. И черты не совпадают.

Улыбка Теодора дрогнула и исчезла. Его щёки вспыхнули румянцем, в глазах заблестели слёзы. Он не кричал, но сжал пальцы на раме так сильно, что костяшки побелели.

— Я у папы спросил, — тихо пробормотал он, отворачиваясь. Голос дрогнул на последнем слог. Теодор опустил холст к полу, как будто тот вдруг потяжелел.

Отец замер между ними. Чарли заметила, как по его лицу пробежала тень усталости. Он неловко потёр переносицу, подбирая слова так, чтобы не ранить сына и не соврать ему. Лгать он не умел и не хотел.

— Тео, ты чувствуешь цвет лучше многих, — начал он спокойно, переводя взгляд с одного ребёнка на другого. — Твой глаз ещё учится держать ритм. А Чарли — она увидела, что многие сразу бы заметили, и мягко это преподнесла, чтобы ты учёл ошибки и смог развивать свой талант дальше. Это может показаться колючим, но позже, когда кисти станут увереннее, её взгляд станет не преградой, а компасом. И ты сам её поблаговаришь.

Теодор всхлипнул, не от обиды, а от внутреннего изменения. Он провёл пальцем по мокрой краске,

оставляя синий след, кивнул, не глядя на Чарли, и понёс холст обратно в комнату, бормоча о новой сетке и о том, как нужно было строить от центра.

Дверь закрылась. Тишина во дворе сгустилась, как смола. Чарли подошла к забору, прижалась лбом к нему и посмотрела вдаль. За каменным забором начинался густой лес. Не просто деревья на горизонте, а сплошная живая стена. Хвоя здесь казалась почти чёрной, ветви переплетались так плотно, что дневной свет не проникал дальше нескольких шагов. В городе о нём не рассказывали страшных историй у костра. Его просто считали частью жизни. Зашёл и не вернулся. Пытался доказать обратное и исчез, будто чаща поглощала людей, оставляя лишь пустоту.

Никто не произносил это вслух, но все знали: если хочешь заглянуть за тёмный лес, нужно обладать талантом — петь, рисовать, творить искусство или говорить так, чтобы камни слушали. Талант был единственным ключом. Остальные ждали поставок. Раз в неделю по единственной дороге, которая огибала лес по безопасной дуге, шли караваны. Эльфы и гномы привозили ткани, зерно, редкие специи. Дорога охранялась, но не столько от воров, сколько от существ, живущих в тумане. Туман не рассеивался, он плотной завесой лежал у кромки леса, и иногда в нём появлялись странные силуэты — длинные, неестественно изогнутые, тянувшиеся к обозам, пока не исчезали под звон колоколов и окрики стражи. Говорили, что эти создания помнят вкус человеческой крови. Чарли никогда не встречала их, но знала: город стоит на защите благодаря эльфам,

феям и гномам, которые самоотверженно оберегают людей, жертвуя своими жизнями. Ведь только волшебные существа способны противостоять чудовищам.

Чарли провела веткой, лежащей на земле, и оставила на ней неровную дорожку. По этой дорожке можно было угадать границы города. Талант или жизнь здесь? Для двенадцатилетней девочки это звучало как приговор. Единственное, что у неё по-настоящему получалось, — это фехтование. Но тренировать удары во дворе, где никто не ценил сталь и дисциплину, было сродни разговору на забытом языке.

Звук фанфар разорвал тишину. Низкий, вибрирующий, он доносился из центра, заставляя окна дрожать. Город ожил. Это был сигнал. Всем, кто ещё не достиг двадцати лет, нужно было выйти на главную площадь. Начинался отбор.

Толпа устремила к брусчатке, как полноводная река. Чарли шла рядом с отцом, чувствуя, как воздух наполняется напряжением. Генри шёл впереди, его колено нервно подрагивало. Он остановился, обернулся. В глазах читался страх, который он не мог признать вслух.

— А если не получится? — спросил Генри, его голос дрогнул. — Если я останусь? Если я закончу как мама?

Отец положил руку ему на плечо.

— Ты талант, Генри, — сказал он. — Ты слышишь то, что другие заглушают шумом. Ты сильнее её. И ты уедешь. Обязательно.

Чарли не искала слов. Она обняла брата, прижалась щекой к его плечу, вложив в это объятие всю свою веру. Генри выдохнул, кивнул и пошёл дальше.

У подножия трона, украшенного искусной резьбой, сидел кронпринц Лунории. Рядом с ним стоял гном-секретарь, держа в руках свиток. Кронпринц, облачённый в плащ цвета сумерек, выглядел молодо. Его бледное лицо было сосредоточенным, а прямые короткие чёрные волосы, напоминающие ночь, обрамляли острые уши. Карие глаза принца, словно два глубоких озера, отражали его внутреннюю сосредоточенность. Прозрачные крылья, напоминающие крылья бабочки, плавно покачивались за его спиной. Длинный подол его королевского платья скрывал ноги. Облик кронпринца воплощал всю красоту и грацию спригганов¹. Он не улыбался, лишь пристально смотрел, ожидая начала представления.

— Теодор Кавендиш, — произнёс гном, не поднимая глаз.

Младший брат спустился по ступеням, сжимая в руках холст. Краска ещё липла к пальцам, запах масла и тревоги витал в воздухе. Он передал работу прислужнику. Кронпринц склонился, изучил мазки, замер. Потом медленно покачал головой.

¹ Спригган — персонаж корнуольского фольклора, уродливое и злобное мифическое существо (разновидность фей или гоблинов), способное увеличиваться до гигантских размеров. По легендам, они охраняют древние руины и закопанные клады, а также насылают бури и губят урожай.

БАБОЧКА

— Теодор Кавендиш не прошёл отбор, — громко и без жалости объявил гном. — Следующий. Генри Кавендиш.

Генри слотнул. Страница со стихом в его руках зашелестел, как сухой лист на ветру. Он поднялся на помост, встал в центре. Площадь затаила дыхание. Ветер подхватил полы его рубашки, но он не дрогнул. Раскрыл лист, обвёл взглядом толпу и начал читать.

Его голос поначалу был тихим, почти сорвавшимся, но с каждым словом становился сильнее, обретая ритм, от которого по коже бежали мурашки.

Если за бабочкой пойдёшь,
То к монстру быстро ты придёшь.
Задаст он несколько вопросов —
И каждый тронет глубь основ.

«Кого ты ждёшь в седом тумане?
Кому ты отдал свой рассвет?
Готов ли в шёпоте молчанья
Сказать «да» на немой завет?»

Он не пугает, не кричит,
А смотрит, словно старый друг.
И если правда прозвучит,
То разомкнётся старый круг.

Он не чудовище из сказки,
А страж незримых рубежей.
В его глазах горят огарки
Ушедших, не живущих дней...